

**РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРОВ: ДИАЛЕКТИКА
ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ**

УДК 82-391; 070.1

ББК 83.3; 76.0

DOI 10.52172/2587-6945_2022_21_3_13

**ИСТОКИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ:
ПУБЛИЦИСТИКА РОМАНИСТА ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА**

Е. В. Никольский¹

*Институт современных гуманитарных исследований,
Москва, 119361, Озёрная, 19-1/138
eugenius-09@ukr.net*

М. С. Ястребов-Пестрицкий²

*Государственный архив РФ,
119435, Москва, ул. Большая Пироговская, 17
мур-63@mail.ru*

В статье представлены общие взгляды исторического романиста Всеволода Сергеевича Соловьёва, (1849–1903), сына известного историка Сергея Михайловича Соловьёва, на русскую аристократию, её место в русском обществе, её аристократические традиции и культуру. Проанализировано публицистическое (и – в малой степени – художественное) наследие писателя. Основная мысль настоящей научной работы в том, что, несмотря на ещё не полностью сложившееся деление литературы на жанры, можно, учитывая многочисленные статьи Всеволода Соловьёва в периодической печати того времени, считать его публицистом, оставляя при этом за ним и право называться автором исторических романов. Талантливый автор талантлив во всём. Однако, даже имея безупречный талант, Вс. Соловьёв не мог сразу и безоговорочно принять новых веяний, изменивших, в конце концов, страну (впрочем, это произошло уже после его смерти). В работе говорится и о безграничной любви

¹ Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук, профессор, доктор богословия, Институт современных гуманитарных исследований, Москва, Россия.

² Ястребов-Пестрицкий Михаил Сергеевич, ведущий специалист, кандидат филологических наук Научная библиотека Госархива РФ (НБ ГАРФ), Москва, Россия.

Вс. Соловьева к отцу, историку С. М. Соловьёву, который был для него непререкаемым авторитетом как в исторической науке, так и в следовании уже упомянутым аристократическим традициям русского дворянства. Разветвленный род Соловьевых, как можем убедиться, включал в себя ученых, исследователей, литераторов, священнослужителей, людей искусства. Вс. Соловьёв, кроме того, увлечённо занимался издательским делом. Возможно, его ранняя смерть не позволила ему воплотить каких-то творческих замыслов, без осуществления которых отечественная литература и публицистика понесли определенные потери. Вс. Соловьёв привлекателен сегодня читателю именно тем, что на все главные события, происходившие в Российской Империи его эпохи, отзывался интересными публикациями.

Ключевые слова: аристократия, монархизм, благородство, историческая проза, семейная хроника

Всеволод Сергеевич Соловьёв не был «профессиональным» публицистом, и поэтому он не создал целостной системы воззрений на общественное бытие человека. Его главным делом было литературное творчество. Это не означает, однако, что социальные вопросы выпали из круга его интересов. Напротив, он придавал им серьезное значение, рассматривая их как неотъемлемую и очень важную сферу жизни. Система взглядов романиста на социум представлена в его публицистическом наследии. Эти идеи отличались необычайной ясностью, продуманностью и определенностью, они вполне поддаются реконструкции как нечто целостное и внутренне единое.

В своем кратком очерке о Всеволоде Сергеевиче Соловьёве его племянник, греко-католический священник и публицист о. Сергей Соловьёв, писал, что писатель был «монархистом без рассуждения» [15, 19]. Данное краткое высказывание дает лишь самую общую характеристику его взглядам. В своих письмах беллетрист почти не касался идеологических вопросов, предпочитая передавать своим корреспондентам и их близким добрые пожелания и обсуждать текущие (в т. ч. издательские) дела. В 1883 году в Успенском соборе Московского Кремля состоялось венчание на царство Александра Третьего. Вс. Соловьёв не присутствовал на коронации, но всей душой отзывался на это событие, что подвигло его в том же году издать небольшую брошюру «Москва 15 мая 1883 года» (с подзаголовком «Обращение к детям»), в которой он искренне и открыто высказал свои монархические воззрения.

Отметим, что большой оригинальности в ней автор не достиг: содержание этой брошюры сводилось к повтору обыкновенных для самодержавной России сентенций о верности и преданности своему монарху и несколько назидательных (с сегодняшней точки зрения) увещаний о долге и обязанностях перед царем и его империей. Нам трудно упрекать его в какой-либо конъюнктурности, ибо он искренне и открыто изложил то, о чем думал и что чувствовал. Вс. Соловьев, в частности, писал: «Народ служит Царю, а Царь служит народу, и царское служение – самое великое, самое многотрудное, какое только может выпасть на долю человека. Вся жизнь монарха должна быть наполнена постоянной, не ослабевающей заботой о добре и пользе для народа, для подданных, на которых Царь смотрит как на родных своих детей. И эти десятки миллионов русских людей должны находить у Царя неизменную правду, любовь и милость» [12, 5].

Писатель считал, что только Бог может дать человеку силу и мудрость для несения царского служения, и поэтому глубокая вера самого самодержца (в данном случае – Александра III) в силу божественной благодати, принимаемой во время священного таинства коронавания, и молитвы православной церкви способствуют благополучию императора и процветанию отчизны.

Как писал о. Сергей Соловьев: «Всеволод Сергеевич был совсем из другого материала, чем его отец и братья. И, может быть, только он <...> воспринимал русское Православие в его восточной стихии, с «царем-батюшкой», с полной пассивностью, смирением, сознанием коренной порчи человеческой природы, бессилия личности перед судьбой и надеждой на милосердие Божие» [15, 23].

Монархические взгляды писателя обусловили тематические предпочтения в его творчестве. Ряд его исторических произведений содержит концепт «царь, царский»: «Жених царевны», «Царское посольство», «Царь-девица», «Юный император». Перу Всеволода Соловьева принадлежат 14 исторических романов, в которых он описал как политические деяния, так и личную жизнь представителей царствовавшей в России династии Романовых, а также их сподвижников и фаворитов.

Но «порой революционно быстро происходит переоценка ценностей в таких областях, как нравственность и культура. Подобные метаморфозы и трансформации понятий передовой части общества возможно проследить при внимательном изучении архивных материалов, представляющих собой широчайшее поле для научных исследований, в том числе и лингвистических» [17, 6]. Например,

Е. В. Никольский, М. С. Ястребов-Пестрицкий

в начале XX века оказалась возможной перемена дворянской фамилии (см. об этом: [18, 45]).

В одной из статей, сохранившихся в фондах Российского Государственного Архива Литературы и Искусства (РГАЛИ), Всеволод Соловьев, размышляя о сущности и назначении высшего сословия как такового, писал: «Аристократию родовую считают ныне обыкновенно каким-то болезненным, временным или ненормальным продуктом, или, по крайней мере, праздным украшением жизни <...>, но все это – эгалитарные верования; при ближайшем наблюдении оказывается, что именно те государства были плодотворнее и могущественнее других, в которых, при монархических наклонностях, сверх того и аристократия родовая держалась упорнее. Рим патрициев и оптиматов прожил дольше купеческого Карфагена и больше сделал для человечества. Древний Ирак возобновили после полнейшего разгрома феодальные парфяне и благодаря их влиянию жила великая империя Сасанидов, цивилизация которой повлияла на Византию, а через ее посредство и на Европу, и на нас» [8].

Изменения в социальном и нравственном состоянии дворянства, произошедшие за период с 1860 года по 1889 год (время написания статьи Вс. Соловьева) вызывали беспокойство писателя. Согласно его взглядам, после Великих реформ Александра II сословные принципы русской знати расшатались, утратился дух чувства долга, чести и порядочности. Дворянство как высшее сословие становилось некоей фикцией, что, по мнению публициста, способствовало дезорганизации социально-политического устройства империи. Как писал, развивая данную тему, Вс. Соловьев: «Разве не благодаря этому забралось в государство разные тайные силы, которые, будучи ничем не регулированные <...> начали было расшатывать государственный организм?» [9, 837].

Одной из причин оскудения русской знати, по мнению автора, было то, что сами дворяне способствовали своему падению. Если бы крепче были привиты сословные традиции долга и чести, «знать не дошла бы до такого жалкого состояния» [9, 884].

Одним из путей выхода высшего сословия из кризиса Вс. Соловьев видел в том, чтобы сформировать у нового поколения четкие принципы поведения, основанного на высокоразвитом чувстве долга и сословной чести: «...только одно воспитание (созидательное и строго продуманное) <...> в понятиях о нравственных обязанностях, сопряженных с почетным званием дворянина, – может создать истинных дворян, крепких и лучших слуг отечества, царя <...> и истинных и верных детей Христовой Церкви» [9, 886].

Другим способом упрочения положения дворянства в Российской империи писатель считал упрочение экономической базы высшего сословия, в том числе возвращение в свои родовые вотчины, к земле, с целью развития и реформирования сельского хозяйства. Вс. Соловьев считал, что соединение буржуазного начала и вековых традиций дворянской культуры, образованности и чести может улучшить положение не только аристократии, но и всего общества в целом. Пример благородства русской знати он видел в прошлом старомосковского и древнероссийского боярства, которое, в отличие от западноевропейской аристократии и польской шляхты, не заключало никаких пактов со своими царями и великими князьями. Чувство русского дворянина по отношению к монарху может быть «понятно только русскому человеку, так как русские дворяне сочли бы кощунством вступать в <...> договорные отношения со своими государями» [9, 835]. Приведенные примеры из статей Всеволода Соловьева показывают его глубокую заинтересованность в судьбе дворянского сословия, принадлежность к которому писатель высоко ценил.

Во второй половине XIX века внимание многих обывателей было обращено к парапсихологии и гипнозу (в терминологии тех лет – «магнетизму»). Частично это отразилось и в литературе, например, в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник», и в публицистике.

В таком культурном контексте обращение братьев Соловьевых к таинственному не представляется нам чем-то необычным и оригинальным. На наш взгляд, гораздо целесообразнее проследить эволюцию восприятия Всеволодом Соловьевым мистики и то, как эти глубокие и многолетние духовные поиски отразились в его романах.

Широкое распространение спиритизма и иных форм внехристианской «духовности» вызвало со стороны лиц, глубоко и осмысленно принимавших учение Христовой Церкви, вполне обоснованную и своевременную критику (Св. Феофан Затворник, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, Вс. С. Соловьев, А. Ф. Тютчева, протоирей о. Иоанн Полисадов и другие) [6, 254–258]. В таком историческом литературном контексте появление публицистических очерков романиста и художественных произведений, осмысливших этот культурный феномен, было вполне актуальным. В некоторых случаях, публицистику как жанр мы выделяем с некоторой долей условности: не до конца ещё устоялись в рассматриваемую эпоху жанровые понятия. К. К. Джафарова в своей работе приводит характерный пример: «В “Учебной книге словесности для русского юношества” Н. В. Гоголя <...> среди эклог встречается стихотворное

Е. В. Никольский, М. С. Ястребов-Пестрицкий

произведение И. И. Дмитриева “Ермак”, жанр которого до сих пор определяется по-разному – “стихотворение”, “поэма”, “драматическая поэма”, “историческая баллада”». [4, 93]. Мы же, называя определённые произведения Вс. Соловьёва публицистикой, будем исходить из сегодняшней классификации литературных произведений.

В 1889 году в журнале «Север» [11, 172]. Вс. Соловьёв поместил свою публицистическую статью «Искание религии», в которой вновь затронул некоторые аспекты осмысления теософии и спиритизма.

В своё время заинтересованностью этой сферой бытия Вс. Соловьёв поделился с Достоевским. Ф. М. Достоевский, однако, оставил его письмо без ответа. Но во время их совместного путешествия по Германии маститый писатель раскрыл своему коллеге собственный взгляд на эту проблему [11, 174]. Всеволод Соловьёв был одним из первых авторов, затронувших данную тему в публицистике: «Два десятка лет я пишу и написал много. Во всех моих, может быть, и крайне несовершенных писаниях невозможно найти ничего, что исходило бы не от христианина» [13, 360].

Таковы высказывания писателя по социально-политическим и религиозным вопросам. Значительно реже он раскрывал свои взгляды по литературно-эстетическим вопросам.

В своей статье «Граф Лев Толстой» [7, 854–855]. Вс. Соловьёв, оценивая высоко великого писателя как художника, всё же не признавал в нем авторитет мыслителя. А в проповедях Толстого он видел отступление от христианства. С близких позиций много внимания уделял полемике с Толстым и Владимир Соловьёв. Например, в работе «Оправдание добра» (1897) он полемизировал с Толстым как с писателем, считая его «образом фальшивого, поддельного христианина» (а потому предшественника антихриста). Во многом резко расходившиеся здесь братья имели точку соприкосновения: в отношении к Толстому, с которым оба полемизировали, и к Достоевскому – оба считали его своим учителем.

Всеволод Соловьёв вошел в историю русской словесности прежде всего как исторический романист. Выбор литературных предпочтений был осуществлен благодаря воздействию личности его отца, историка С. М. Соловьёва.

Один из биографов, знавший лично писателя, так оценивал степень влияния отца на творчество Вс. Соловьёва: «Разумеется, слишком легко гордиться таким отцом, как Сергей Михайлович Соловьёв, но помимо гордости здесь сказывалась глубокая сыновья любовь. Всё, касавшееся отца, в глазах его сына носило как бы священный отпечаток. Он нередко приводил мнение Сергея

Михайловича по разным вопросам, <...> повторял: “Я часто держусь тех же взглядов, каких держался покойный отец”, и, тем не менее, образ его мыслей отличался, в общем, большей оригинальностью и самостоятельностью» [3, 12]. Главное, в чем отец служил примером для Всеволода, – это в любви к отечественной истории. Какие же взгляды отца на историю, разделяемые сыном, легли в основу художественных исторических повествований Вс. Соловьева?

Сергей Михайлович был убежденным приверженцем идеи государственности и считал, что государство, «какая бы ни была его форма, представляет свой народ, в нем народ олицетворяется, потому оно было, есть и будет всегда на первом плане для историка» [14, 31]. Только через государство или, как писал С. М. Соловьев, через правительство, проявляет народ свое историческое бытие. Отсюда следует, что историк должен «изучать деятельность правительственных лиц, ибо в них находит лучший, самый богатый материал для изучения народной жизни» [14, 29]. Так решил С. М. Соловьев одну из главных проблем исторической науки – проблему народа и истории.

Всеволод Сергеевич Соловьев был сознательным православным христианином. Упадок благочестия, распространение атеизма и спиритизма (а позднее и теософии) вызывали в нем чувства опасения и глубокой горечи. В своей статье о религиозном равнодушии в журнале «Север» он размышлял над тем, что сознательный материализм превращает человека в животное, притупляет все его высокие чувства, погружает в сферу самых грубых ощущений и «несмотря на все доводы и обольщения, не способен дать» [10, 134] истинной радости бытия.

Во многом Вс. Соловьёв предсказал будущее. Г. Ш. Бахшиева, применительно к судьбе английского писателя уже XX века, рассуждает: «XX век лишил человека источников, на основании которых он ранее мог бы найти объяснение <...> событиям. Современный человек отказался от мифологического мышления, объяснявшего природу и мировой порядок, а также от религии, которая некогда руководила и направляла, и был уверен, что найдет ответы на все вопросы и будет править миром на основе науки и логики. Однако он потерял себя перед лицом событий, которые не мог объяснить, и впал в состояние первобытного существа...» [1, 42].

А далее, с развитием коллективизации, и вовсе будет осмеяно то, что было дорого и свято для людей XIX века (об ироничном отношении к служителям культа – см. в нашей работе: [16, 75]).

Данной проблематике Вс. Соловьев посвятил два пространных очерка, которые опубликовал в собственном журнале «Север». Однако ещё до возникновения этого журнала писатель неоднократно проявлял себя как публицист.

В период сотрудничества в «Петербургских Ведомостях» творческая деятельность Вс. Соловьева проходила как бы по двум линиям: писательской – создания многочисленных романов, прежде всего исторических, и газетно-журнальной. Но эти два направления в творчестве писателя можно выделить лишь условно, ибо и в газетных фельетонах, как тогда называли статьи, обзоры, рецензии, и в художественных произведениях Вс. Соловьев отстаивал свой взгляд на литературу, как на изящную словесность, чистое искусство, чуждое грубому реализму и натурализму, свое отношение к истории, как к процессу эволюционному. Революционные же взрывы и возмущения считал не закономерным явлением исторического процесса, но исключением из правил, рецидивом болезненного состояния общественной нравственности. Он мог бы подписаться под словами своего отца, который утверждал, что «перемены в правительственных формах должны исходить от самих правительств, а не должны вымогаться народами у правительств путем возмущений» [14, 31].

Всеволод Соловьев, как и его отец, был противником любых радикальных методов разрешения социально-политических проблем: революций, государственных переворотов, национально-освободительных движений и т. д. В качестве единственного верного и бескровного выхода из критических состояний общества и государства он предполагал эволюционное развитие и разумные реформы, осуществляемые просвещенным и благородным монархом с помощью верных ему соратников. Этими особенностями его мировосприятия можно объяснить негативную трактовку в романах «Хроника четырех поколений» французской революции конца XVII века, движения декабристов в России и польского восстания 1831–1832 годов.

Таким образом, во многом писатель проявлял свою творческую индивидуальность, свое понимание исторического процесса, что в соединении с художественным мастерством позволило ему создать ряд ярких произведений, снискавших популярность у массового российского читателя как в XIX веке, так и на рубеже веков. В связи с этим нам хотелось бы вспомнить высказывание его современника: «Не отрицаем, что такое чтение возбуждало историческое любопытство, от которого недалеко до научного

интереса к истории. Культурное влияние Всеволода Соловьева в этом смысле значительно» [5, 140].

Специально отметим, что характер мировоззрения Всеволода Соловьева и задачи его творчества, сформированные им в беседах с его биографами, отзывы критиков (в т. ч. его племянника о. Сергия Соловьева и философа А. Ф. Лосева) позволяют нам отнести его к разряду писателей-беллетристов. Как известно, массовое чтение, согласно показаниям наблюдений и опросов, нередко направляется именно просветительским импульсом пишущего.

Исходя из фрагментов публицистических работ, следует специально отметить, что отдельные мысли Вс. Соловьева созвучны некоторым идеям Н. А. Бердяева, выраженным в книге «Философия неравенства». В ней Н. А. Бердяев доказывал, что нельзя отвлекать человека от «его предков, от его наследственных традиций и навыков, от его воспитания, от столетий и тысячелетий, живущих в его крови, в клетках его органического существа, от всех органических связей человека» [2, 590]. Опираясь на суждения, весьма распространенные в дворянской сфере, в этом ракурсе Вс. Соловьев рассматривал такие явления, как семья, род, человеческая личность. Обращение автора к генеалогическим мотивам, таким образом, было не только данью многовековой литературной традиции, но стремлением глубже изучить интересовавшие его различные стороны общественной и частной жизни русского дворянина.

В целом же Вс. Соловьёв смотрел в будущее оптимистично, ибо это было обусловлено верой писателя в позитивное завтра своей страны и своего сословия.

Литература

1. Бахшиева Г. Ш. Тема греха и наказания за грехи в романе Уильяма Голдинга «Воришка Мартин» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. Т. 36. Вып. 4. С. 41–48.
2. Бердяев Н. А. Философия неравенства // Бердяев Н. А. Судьба России. Москва: Эксмо, 2001. 620 с.
3. Быков П. В. Вс. С. Соловьев: Его жизнь и творчество // Соловьев Вс. С. Полное собрание сочинений: в 42 т. Т. 1. Петроград: П. П. Сойкин, 1917. С. 3–49.
4. Джафарова К. К. История и теория литературы в поздней публицистике Гоголя // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. Т. 36. Вып. 2. С. 93–96.
5. Измайлов А. И. Всеволод Соловьев. Очерки творчества // Вс. Соловьев. Полное собрание сочинений. 1904. Т. 1. С. 3–34.

6. Лесков Н. С. *Философы спиритизма* // Лесков Н. С. *Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Публицистика.* Москва: Экран, 1993. С. 251–276.
7. *Нива.* 1879. № 43. СПб. С. 854–855.
8. РГАЛИ. Ф. 191., оп. 1, ед. хр. 3291, лист 96–98.
9. *Север.* 1889. № 42. СПб.
10. *Север.* 1889. № 7. СПб.
11. *Север.* 1889. № 9. СПб.
12. Соловьев Вс. С. Москва 15 мая 1883 года Письмо детям. (Обращение к детям). С.-Петербург: Типография А. Ф. Маркса. 1883. 16 с.
13. Соловьев Вс. С. *Современная жрица Изиды. Мое знакомство с Е. П. Блаватской и «теософским обществом».* С.-Петербург: Типогр. общ. «Общественная Польза», 1893. 370 с.
14. Соловьев С. М. *Сочинения.* Москва, 1988. Кн. 1. Москва: Мысль, 1988. 797 с.
15. Соловьев С. М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. Москва: Республика, 1997. 431 с.
16. Ястребов-Пестрицкий М. С. Семантические и морфологические особенности метафорического поля «Путешествия по Камчатке» И. Сельвинского // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Раздел «Языкознание».* 2018. Т. 33. Вып. 1. С. 69–78.
17. Ястребов-Пестрицкий М. С. Университетская и общественно-просветительская жизнь Российской империи. Взгляд филолога-архивиста на дореволюционную прессу России (публицистиковедческий очерк) // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Раздел «История».* 2017. Т. 32. Вып. 3. С. 6–12.
18. Ястребов-Пестрицкий М. С. Частные и казённые объявления дореволюционной прессы: гендерная грамматика, орфография, топонимика и антропонимика // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Раздел «Языкознание».* 2017. Т. 32. Вып. 3. С. 43–48.

REFERENCES

1. Bakhshieva G. Sh. Tema grekha i nakazaniya za grekhi v romane Uil'yama Goldinga «Vorishka Martin» // *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki.* 2021. Т. 36. Вып. 4. Р. 41–48. (In Russ.).
2. Berdyaev N. A. *Filosofiya neravenstva* // Berdyaev N. A. *Sud'ba Rossii.* М.: Eksmo, 2001. 620 p. (In Russ.).
3. Bykov P. V. Vs. S. Solov'ev: Ego zhizn' i tvorchestvo // *Solov'ev Vs. S. PSS,* Т. 1. SPb., 1917. P. 12. (In Russ.).

4. Dzhafarova K. K. Istoriya i teoriya literatury v pozdnei publitsistike Gogolya // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2021. T. 36. Vyp. 2. P. 93–96. (In Russ.).
5. Izmailov A.I. Vsevolod Solov'ev. Ocherk zhizni i tvorчества // Vs. Solov'ev. Poln. sobr. soch., t. 40, SPb., 1904. P. 140. (In Russ.).
6. Leskov N. S. Filosofiy spiritizma // Leskov N. S. Sobranie sochinenii v 6-ti tomakh. T. 3. Publitsistika. M., 1993. P. 254–258. (In Russ.).
7. Niva. № 43. SPb., 1879., p. 854–855. (In Russ.).
8. RGALI. F. 191., op. 1, ed. khr. 3291, list 96–98. (In Russ.).
9. Sever. № 7. SPb., 1889. (In Russ.).
10. Sever. № 9. SPb., 1889. (In Russ.).
11. Sever. № 42. SPb., 1889. (In Russ.).
12. Solov'ev Vs. S. Moskva 15 maya 1883 goda. SPb., 1883. (In Russ.).
13. Solov'ev Vs. S. Sovremennaya zhritsa Isidy. SPb., 1904. (In Russ.).
14. Solov'ev S. M., svyashchennik. Ocherk o Vsevolode Sergeeviche Solov'eve. (In Russ.).
15. Solov'ev S. M. Sochineniya. M., 1988. Kn. 1. (In Russ.).
16. Yastrebov-Pestritsky M. S. Semanticheskie i morfologicheskie osobennosti metaforicheskogo polya «Puteshestviya po Kamchatke» I. Sel'vinskogo // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. Razdel «Yazykoznanie». 2018. Tom 33. Vyp. 1. P. 69–78. (In Russ.).
17. Yastrebov-Pestritsky M. S. Universitetskaya i obshchestvenno-prosvetitel'skaya zhizn' Rossiiskoi imperii. Vzgl'yad filologa-arkhivista na dorevol'yutsionnyuyu pressu Rossii (publitsistikovedcheskii ocherk) // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. Razdel «Istoriya». 2017. Tom 32. Vyp. 3. P. 6–12. (In Russ.).
18. Yastrebov-Pestritsky M. S. Chastnye i kazyonnye obyavleniya dorevol'yutsionnoi pressy: gendernaya grammatika, orfografiya, toponimika i antroponimika // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. Razdel «Yazykoznanie». 2017. T. 32. Vyp. 3. P. 43–48. (In Russ.).

THE ORIGINS OF RUSSIAN JOURNALISM: NOVELIST
VSEVOLOD SOLOVYOV'S JOURNALISM

Evgeny V. Nikolsky

Е. В. Никольский, М. С. Ястребов-Пестрицкий

Doctor of Philology (Dr. hab.), doctor of theology, Professor,
Institute of Modern Humanitarian Researches (Moscow, Russia)

Mikhail S. Yastrebov-Pestritsky

Scientific Library of the State archive of the Russian Federation
(SARF SL) (Moscow, Russia)

Abstract

Russian aristocracy, its place in Russian society, its aristocratic traditions and culture are presented in the article by the general views of the historical novelist Vsevolod Sergeyevich Solovyov (1849–1903), the son of the famous historian Sergei Mikhailovich Solovyov, about the Russian aristocracy, its place in Russian society, its aristocratic traditions and culture. The author analyzes the journalistic (and, to a small extent, artistic) heritage of the writer. The main idea of this scientific work is that, despite the not yet fully developed division of literature into genres, it is possible, given the numerous articles by Vsevolod Solovyov in the periodical press of that time, to consider him a publicist, while reserving for him the right to be called the author of historical novels. A talented author is talented in everything. However, even with impeccable talent, Vs. Solovyov could not immediately and unconditionally accept the new trends that eventually changed the country (however, this happened after his death). The work also talks about the boundless love of the S. Solovyov to his father, the historian S. M. Solovyov, who was for him an indisputable authority both in historical science and in following the already mentioned aristocratic traditions of the Russian nobility. The branched family of the Solovyovs, as we can see, included scientists, researchers, writers, clergymen, people of art. Vs. Solovyov, in addition, enthusiastically engaged in publishing. Perhaps his early death did not allow him to embody any creative ideas, without the implementation of which domestic literature and journalism suffered certain losses. Sun. Solovyov is attractive to the reader today precisely because he responded to all the main events that took place in the Russian Empire of his era with interesting publications.

Keywords: aristocracy, monarchism, nobility, historical prose, family chronicle

Для цитирования: Никольский Е. В., Ястребов-Пестрицкий М. С. Истоки русской журналистики: публицистика романиста Всеволода Соловьева // Libri Magistri. 2022. № 3 (21). С. 13–24.

Поступила в редакцию 19.05.2022